
ДИСКУССИЯ

МЕНТАЛИТЕТ, ОБЩЕСТВО И ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК (ОТВЕТ УЧАСТНИКАМ ДИСКУССИИ)

© 2017 г. А. Л. Журавлев*, Д. В. Ушаков**, А. В. Юревич***

* Академик РАН, доктор психологических наук, профессор,
директор ФГБУН Института психологии РАН, Москва;

** Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор,
заведующий лабораторией психологии и психофизиологии творчества, там же;

*** Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук,
профессор, заместитель директора, там же.

Авторы благодарят участников дискуссии, отвечают на поднятые вопросы, подводят итог и делают заключение по состоявшейся на страницах “Психологического журнала” полемике. Развернуто обсуждается понятие менталитета. Рассматривается проблема соотношения менталитета и социальных институтов. Обосновываются концептуальные и практические возможности, заключенные в модели психосоциального человека.

Ключевые слова: менталитет, социальные институты, ценности, модель психосоциального человека, психологическое состояние общества.

Цикл статей, посвященных возможностям психологической науки в решении проблем российского общества, вызвал живую полемику на страницах “Психологического журнала” [3; 4; 5]. Авторы выражают глубокую признательность всем участникам дискуссии. Каждый из выступивших авторов рассмотрел вопрос со своей точки зрения, чем был задан объемный, многомерный характер обсуждения.

Т. А. Жалагина и Е. Д. Короткина представили анализ общепсихологического характера [2]. Они поставили задачу разработки макропсихологической модели развития современного российского общества. А. С. Чернышев, С. В. Сарычев и С. Г. Елизаров предложили взгляд со стороны социальной психологии, дополнив его существенными аспектами из сферы психологии труда [11]. В частности, подняв вопрос о разработке более простой рабочей модели малой группы, авторы обсудили возможность ее использования в других социогуманитарных науках аналогично рабочей модели психосоциального человека. С. Ф. Сергеев рассмотрел данную проблему с точки зрения компьютерного или математического моделирования социальных систем [8]. В частности, он обратил внимание на вероятность осуществления агент-ориентированного моделирования. В. Е. Семенову удалось представить междисциплинарную картину, соединяющую

социологические и социально-психологические аспекты [7]. Особое внимание было уделено разработанной им проблеме полиментальности, а также теме доверия. А. Н. Неверов рассматривает обсуждаемую проблему с точки зрения экономиста [6]. Он считает, что наука перешла от стадии специализации к стадии интеграции, и предлагает формирование “коммуникативной методологии” между психологией, экономикой, социологией и другими науками [6, с. 79].

Такая многомерность пространства обсуждения не дает возможности в краткой статье обсудить высказанные высокопрофессиональные научные позиции с той степенью глубины и подробности, которую они заслуживают. Тем не менее, ниже мы выделим некоторые точки, вокруг которых концентрируется основное содержание дискуссии, и постараемся, рассматривая их, придать дальнейшее продвижение интересующей нас проблематике.

На наш взгляд, наиболее существенным из всех поднятых тематик – стало понятие менталитета. Как правильно отметили Т. А. Жалагина и Е. Д. Короткина, в наших статьях, являющихся предметом дискуссии, мы не давали ему определения. В то же время во всех без исключения статьях в дискуссии происходит обращение к этому понятию, причем его статус оказывается до конца не выявленным. Так, А. Н. Неверов характеризует

менталитет как психологический фактор и психологическое явление, говорит, что хотя “менталитет не исчерпывает все психические явления, изучение которых способно оказать существенное влияние на ход социально-экономического развития российского общества” [6, с. 75], тем не менее “включает в себя и то, что современные институционалисты (социологи и экономисты) называют неформальными институтами” [6, с. 76]. Однако очевидно, что менталитет не может быть психологическим явлением, свойством или фактором и одновременно неформальным институтом, поскольку социальные институты, даже неформальные, никак не являются психологическими явлениями, свойствами или факторами.

Следовательно, возникает потребность в определении понятия менталитета [12]. В. Е. Семенов в своей статье предлагает такое определение: “под менталитетом понимается исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении” [7, с. 99]. Вообще различных определений этого понятия в отечественной науке немало. В свое время Р. А. Додонов предложил их классификацию [1], которая в последнее время была дополнена и уточнена [10].

Прежде всего нам представляется необходимым охарактеризовать проблему определения научных понятий в общем плане. Понятие является производным от теории. Так, например, сила начинает пониматься как произведение массы на квадрат ускорения только в результате появления ньютоновской механики с ее законами. До этого сила понималась совершенно иначе.

Понятия развиваются и дифференцируются вместе с теориями. Пример этому дают психологические понятия кратковременной и рабочей памяти (*short-term and working memory*). До 1980-х гг. эти слова употреблялись как синонимы. Позднее однако исследования выявили сложную структуру стоящего за этими понятиями объекта (не только хранилище информации, но и управляющие структуры, схемы прошлого опыта и т.д.), в результате чего возникла потребность их дифференциации. Таким образом, сегодня не только общепризнанно их отличие, но и существуют многочисленные работы, эмпирически исследующие связь этих конструктов, их различное влияние на интеллект и т.д.

Еще один вариант формирования научных понятий показывает ситуация с понятием менталитета. Изначально оно сложилось во франко-

язычной науке для обозначения того комплекса особенностей умственной конституции (французское слово *mental* переводится на русский как умственный), которые оказываются различными у представителей разных культур. Первичным является удивление европейского гуманистара по поводу того, как представители “примитивных” культур могут думать и чувствовать столь отличным от него образом. Уже затем в процессе дальнейшей рефлексии и концептуализации происходит выявление тех элементов и структур, из которых эти различия складываются.

Сегодня понятие менталитета входит в различные концептуальные схемы, внутри которых приобретает различные значения. При этом его семантика в научном языке задается совокупностью его определений в различных контекстах. Она примерно указывает на область, о которой идет речь, и потому допускает противоречия.

В контексте наших статей мы вводили слово менталитет, исходя из изложенного понимания ситуации с его определением. В предлагаемых нами теоретических рамках центральное место занимает взаимодействие свойств человека с социальными институтами. Институты работают в соответствии с замыслом тогда и только тогда, когда психологические свойства людей позволяют им следовать институциональным правилам. Если же такой гармонии нет, функционирование института видоизменяется. В связи с этим возникает необходимость ввести понятие, которое обозначало бы совокупность всех психологических свойств людей, влияющих на принятие или непринятие правил, заданных социальными институтами. Эти свойства разнятся от одной общности людей к другой, более того – от человека к человеку. Такое понятие лежит достаточно близко к тому, что в общенаучной семантике связано со словом менталитет. Именно для обозначения этого понятия слово “менталитет” и было использовано в наших статьях.

Представляется, что при таком подходе формируется идеальный объект, обозначаемый понятием менталитет, который обладает интересными свойствами.

Во-первых, менталитет вводится в детерминированные отношения с достижениями страны. Чисто “гуманитарные” характеристики менталитета оказываются конкурентным преимуществом в социально-экономическом соревновании, в том числе – на международном уровне.

Во-вторых, отношения менталитета и достижений стран не являются линейными и одно-

значными. Не существует преимуществ одного менталитета перед другим. Преимущества формируются только в том случае, когда люди с определенным менталитетом организуются при помощи соответствующих ему институтов и приступают к решению социально-экономических задач определенного типа. Другими словами, преимущества в решении задач – результат взаимодействия социальных институтов и менталитета. Это формирует научно-практическую задачу, стратегически важную для современного общества, а именно – обеспечение согласия социальных институтов и менталитета.

В-третьих, менталитет оказывается под достаточно жестким давлением в конкурентном обществе. Различные составляющие менталитета как бы борются за людей, причем одни постепенно вытесняют другие, как, например, индивидуализм может вытеснять коллективизм¹. Менталитет народа меняется под влиянием изменяющихся условий жизни. Конечно, изменения менталитета не могут быть описаны как адаптационные, что многократно подчеркивалось в статьях. Менталитет – целостная система со своими механизмами равновесия, что задает его “упорство” и специфику на протяжении многих поколений, сочетающуюся тем не менее с постоянными изменениями. В статьях было предложено сценарное описание взаимодействия менталитета с условиями социальной жизни.

В-четвертых, в рамках предложенного подхода по-новому ставится вопрос о “наполнении” менталитета и о том, какие психологические свойства в него входят, а какие нет. Этот вопрос переводится на теоретико-эмпирическую почву. Критерием ответа становится то, оказывают ли эти свойства влияние на работу социальных институтов.

Таким образом, в статьях заложена определенная модель менталитета, которая может быть, как представляется, продуктивно развернута. При этом необходимо подчеркнуть, что научное понятие – это инструмент, который создается для развития как теории, так и эксперимента, и может быть более или менее эффективным, но не мо-

жет быть правильным или неправильным. В этом плане возможны и другие понимания менталитета, которые с точки зрения научной эффективности могут ничуть не уступать тому, что обсуждается выше.

Менталитет и его взаимодействие с социальными институтами задает предмет исследования, до сих пор не вошедший в поле внимания психологической науки. Социальная психология открыла широкую перспективу исследований поведения человека в различных социальных ситуациях, однако из этой перспективы до сих пор выпадало взаимодействие поведения как изменяющейся, но целостной и взаимосвязанной с социальными институтами структуры. Пришло время осмыслить отдельные феномены социального поведения в контексте целостной жизни общества.

Очерченный таким образом научный предмет предполагает использование особых, ранее не нашедших распространение в психологии методов. Отдельные феномены социального поведения лучше всего исследуются в контролируемом психологическом эксперименте, проверяющем гипотезы, которые формулируются в рамках точно очерченных моделей. Такой эксперимент является главным орудием получения надежных знаний о феноменах, в связи с чем мы солидаризируемся с А. С. Чернышевым и др., которые считают, что “пришло время активного возрождения экспериментального метода как ведущего метода психологического исследования” [11, с. 116]. А. Н. Неверов совершенно справедливо обращает внимание на достижения бихевиоральной экономики, которая путем эксперимента психологического типа выявляет закономерности поведения людей в типичных экономических ситуациях, что потом может дать ценную информацию для корректировки экономических теорий.

Действительно бихевиоральная экономика и соответствующие ей отрасли экономической психологии представляют собой весьма успешную научную область, заслужившую две Нобелевские премии. Эта область постоянно получает расширение и развитие, например, в виде нейроэкономики, в рамках которой проводятся исследования, регистрирующие паттерны мозговой активности при решении примерно тех же задач, что и в исследованиях по бихевиоральной экономике.

Экономисты дополняют модели общества изучением эмпирии экономического поведения, однако создается впечатление, что в психологии наметилась потребность дополнить эмпирические знания отдельных поведенческих феноме-

¹ Мы, безусловно, солидаризируемся с В. Е. Семеновым в том, что ментальность любого народа множественна. Более того, психологические свойства, входящие в менталитет, весьма переменчивы и подвержены индивидуальным различиям внутри человеческих общностей, а их менталитет составляет предмет межкультурных исследований. Как показывают эти исследования, существуют особенности, объединяющие одни и те же профессиональные группы, например, учительство, внутри различных культур.

нов моделями, определяющими роль и место этих феноменов в функционировании и сохранении целостности общества.

Во всех случаях работы на границе экономической и психологической наук развиваются достаточно бурно. Однако вопрос, поднятый в цикле наших статей, касается не этого. Там обсуждается проблема психологических механизмов, стоящих за функционированием социальных институтов и представляющих собой культурно и исторически эволюционирующие структуры. Речь здесь идет не просто о паттернах поведения субъектов в тех или иных ситуациях, существенных для функционирования экономики. Речь идет даже не о том, чтобы зафиксировать различия в этом поведении между представителями различных культур. И первое, и второе уже с успехом делается современной наукой. Вопрос намного сложнее: понять, за счет каких механизмов формируются целостные психологические структуры, которые обеспечивают то или иное экономическое поведение в условиях определенных социальных институтов. Только ответ на этот вопрос позволяет ставить те задачи, о которых говорилось в статьях, а именно – *моделировать взаимодействие социальных институтов с менталитетом*. Под моделированием в данном случае понимается возможность описывать различные состояния менталитета и возникающие на их основе паттерны экономического (шире – социального) поведения в контексте определенных социальных институтов, а также эволюция этих состояний, в том числе под влиянием социальных практик общества и идеологических паттернов. Представляется, что такое моделирование может способствовать успешной работе над проблемой установления *соответствия* между социальными институтами и менталитетом в обществе.

Постановка этой проблемы показывает, что психологии требуются новые познавательные средства, новая методология, выходящая за рамки одного лишь процесса верификации моделей на базе психологического эксперимента. Конечно, в психологии существует большой задел. Подкрепленные экспериментом модели обучения, изменения поведения, поддержания Я, диссонанса–консонанса дают отдельные элементы для построения целостной картины личности и ее эволюции. Однако сложение этих элементов в общую картину – чрезвычайно сложная научная задача, в решении которой экспериментальный метод оказывается бессильным.

Все проведенные рассуждения не должны выпадать из контекста достаточно грозно выглядя-

щих событий, которые происходят в современном мире. Социально-политическая напряженность в течение нескольких последних десятилетий возросла, хотя из ряда теоретических соображений, выдвинутых в социо-гуманитарных науках, можно было ожидать противоположного. После падения социалистической системы Ф. Фукуяма заявил о конце истории. Это означает, что человеческий мир пришел к своему завершенному конечному состоянию, которое позволяет реализовать ценности, заложенные в человека “по природе”: «... либеральная демократия может представлять собой “конечный пункт идеологической эволюции человечества” и “окончательную форму правления в человеческом обществе”, являясь тем самым “концом истории”. Это значит, что в то время как более ранние формы правления характеризовались неисправимыми дефектами и иррациональностями, в конце концов приводившими к их крушению, либеральная демократия, как утверждается, лишена таких фундаментальных внутренних противоречий. Это утверждение не означает, что стабильные демократии, такие как США, Франция или Швейцария, лишены несправедливостей или серьезных социальных проблем. Но эти проблемы связаны с неполной реализацией принципов-близнецов: свободы и равенства, а не с дефектами самих принципов. Хотя какие-то современные страны могут потерпеть неудачу в попытке достичь стабильной либеральной демократии, а другие могут вернуться к иным, более примитивным формам правления, вроде теократии или военной диктатуры, но идеал либеральной демократии улучшить нельзя.

... то, что по моему предположению подошло к концу, это не последовательность событий, даже событий серьезных и великих, а История с большой буквы – то есть история, понимаемая как единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов» [9, с. 37].

Взгляд Фукуямы предполагает единую “правильную” систему ценностей. Хорошим вербальным симптомом этого взгляда является использование словосочетания “общечеловеческие ценности”. Эти общечеловеческие ценности стоят над ценностями отдельных религий или метафизических систем.

Важно проследить аргументацию, обосновывающую преимущества определенных принципов, или ценностей. Вначале идет философская аргументация, исходящая из “чистого практического разума”. Именно в философских размышлениях лежат истоки принципов, которые стали воплощаться

в жизнь французской революцией. Некоторые ценности – свобода, равноправие и т.д. – соответствуют нашему разуму, удовлетворяют чувству людей, в первую очередь – чувству справедливости и достоинства, и поэтому должны воплощаться в жизнь.

Другая сторона аргументации – социально-экономическая. Лучшая система ценностей – это та, что делает общество наиболее эффективным в плане решения стоящих перед ним задач, экономики и конкурентоспособности. В конкретных условиях высвобождаются творческие силы, которые позволяют обществу успешно развиваться. В результате перипетий исторической борьбы отдельные общества оказываются сильнее конкурентов в экономическом и военном отношении, а также силой духа, образуемой убежденностью граждан в справедливости и достоинстве, предлагаемых общественными системами.

Наконец, еще одна сторона – склонность людей свободно выбирать эти ценности. Более высокими могут быть признаны те ценности, принятие которых делает людей счастливее, повышает удовлетворенность жизнью.

Идеология “конца истории” предполагает, что все эти три критерия совпадают в одной системе ценностей и возводят в ранг конечной точки исторического развития общество либеральной демократии.

В результате борьбы более эффективные социальные системы побеждают и начинают господствовать во все большем числе стран, процветание которых благодаря этому еще более возрастает. То же ожидается и внутри стран. Западноевропейское понятие мультикультурализма предполагает, что люди с разной культурной системой ценностей, оказавшись в западноевропейской стране, могут быть ценностно интегрированы в принимающее общество, даже сохраняя свою религию, традиции и уважение к корням. Европейский мультикультурализм фактически основывается на концепции единого пути, по которому европейская цивилизация движется первой, что позволяет ей безболезненно принимать в свои ряды выходцев из других цивилизаций, обязанность которых состоит только в том, чтобы осознать свое благо – принять лучшие, более прогрессивные ценности.

События последнего времени, однако, не очень совпадают с предсказаниями, вытекающими из такого представления о мире. Скорее складывается картина *цивилизационного кризиса*.

Региональные конфликты не пошли на спад с окончанием противостояния двух мировых си-

стем, а скорее обострились. В последние годы стал очевидным кризис мультикультурализма, замешанного на универсалистской идеологии. Оказывается, что люди других культур вовсе не готовы воспринять блага западного общества и интегрироваться в него, а прямо отвергают некоторые его ценности.

Эмпирические научные исследования также не свидетельствуют в пользу концепции единого направления исторического движения для всего человечества. Межкультурные исследования показали, что различные цивилизации различаются по ценностям притом, что ценности находятся в постоянной эволюции. Это означает, что, возможно, не существует такого универсального устройства общества, которое устраивало бы всех людей.

Такое состояние дел требует более глубокой теоретической проработки в сфере социогуманитарных наук. Философия уже давно сомневается в существовании единой метафизически обоснованной системы ценностей. Например, Ф. Ницше говорил об отсутствии единой системы ценностей у человечества. Человечество имеет более-менее общепринятый набор ценностей, но их иерархия сильно флуктуирует. Также и такие критерии оценки “совершенства” ценностной системы, как повышение социально-экономической эффективности и улучшения качества жизни людей, требуют серьезного теоретического осмысления.

В данном контексте *понятие психосоциального человека* открывает дополнительные возможности для нахождения новых путей борьбы с возникающими в обществе проблемами. Это понятие предполагает, что ценности находятся в соответствии с институтами, которые позволяют обществу решать встающие перед ним и постоянно меняющиеся задачи. Из этого следует, что не существует такой системы ценностей, которая сама по себе, вне зависимости от социальных институтов и “производительных сил”, обеспечивала бы наиболее эффективное решение социально-экономических задач.

Кроме того, понятие психосоциального человека предполагает сложные механизмы изменения систем ценностей, которые включают как подкрепление различных форм поведения внешней средой, так и действие образа Я, связанного с совершенными поступками, а также рефлексивное размышление. Все это превращает ценности в систему, имеющую различные точки равновесия, переход между которыми связан с попаданием в зону мучительных переживаний. Эти механизмы, рассмотренные в наших статьях, означают, что системы ценностей, исповедуемые людьми,

“упорны” и отнюдь не отступают сами по себе при появлении якобы правильной, “высшей” ценностной системы. Это и происходит в мультикультуральных западных обществах, где различные этнокультурные иммигрантские группы продолжают придерживаться своих ценностей, отрицая некоторые ориентации аборигенного сообщества.

Представляется, что интерпретированное в таком контексте понятие психосоциального человека оказывается продуктивным инструментом в анализе процессов, тревожащих современный мир. Психологические механизмы оказываются в самом центре – между институтами и метафизикой. Именно в человеке происходит наложение этих матриц и их преобразование под воздействием друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье, 1998.
2. Жалагина Т.А., Короткина Е.Д. Психологический ресурс в решении социально-психологических проблем российского общества // Психологический журнал. 2015. Том 36. № 4. С. 103–108.
3. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 1. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.
4. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 2. Концептуальные основания // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 70–86.
5. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 3. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 5–25.
6. Неверов А.Н. О перспективах психологии в решении задач российского общества: взгляд экономиста-психолога // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 73–80.
7. Семенов В.Е. Российское общество, полиментальность и социальное согласие // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 98–102.
8. Сергеев С.Ф. К проблеме психосоциального человека // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 108–112.
9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007.
10. Харитонова Е.В. Соотношение понятий “менталитет” и “ментальность” // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 226–239.
11. Чернышев А.С., Сарычев С.В., Елизаров С.Г. К вопросу о перспективах отечественной психологии в решении задач российского общества // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 113–119.
12. Юревич А.В. Базовые компоненты национального менталитета // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 240–261.

MENTALITY, SOCIETY AND “HOMO PSYCHOSOCIALIS” (RESPONSE TO THE PARTICIPANTS OF THE DISCUSSION)

A. L. Zhuravlev*, D. V. Ushakov**, A. V. Yurevitch***

* Full member of RAS, PhD, Prof., Director of the Institute of Psychology of RAS, Moscow;

** Corresponding member of RAS, PhD, Prof., director of laboratory at the Institute of Psychology of RAS, Moscow;

*** Corresponding member of RAS, PhD, Prof., Deputy director of the Institute of Psychology of RAS, Moscow.

The authors thank all the participants of the discussion, answer to the questions and make the conclusion of the polemics that took place on the journal's pages. The authors examine the concept of mentality. They discuss the problem of fit between mentality and social institutions in the society. They highlight conceptual and practical potential of the model of “homo psychosocialis”.

Keywords: mentality, social institutions, values, model of “homo psychosocialis”, psychological state of a society.